

DOI 10.15826/izv2.2022.24.3.052
УДК 821.161.1-1 Самойлов Д. +
+ 821.511.141-1 Кун А. + 81'255.2

Ю. В. Матвеева
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Э. Шиллер
Университет Лоранда Этвеша
Сомбатхей, Венгрия

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДАВИДА САМОЙЛОВА, АГНЕССЫ КУН И АНТАЛА ГИДАША

На основании обнаруженной в фондах Российского государственного архива литературы и искусства переписки поэта Давида Самойлова с переводчицей и писательницей венгерского происхождения Агнессой Кун (одно письмо от Д. Самойлова А. Кун и шесть писем от А. Кун Самойлову с 1960 по 1982 г.) осуществляется попытка анализа длительных профессиональных и человеческих взаимоотношений двух корреспондентов. Эпистолярные контакты с А. Кун включают для Самойлова также взаимоотношения с ее мужем, советским венгерским писателем Анталом Гидашем, личность которого косвенным образом присутствует в переписке. Приобщив Д. Самойлова к переводу венгерской классической и современной поэзии, А. Кун и А. Гидаш, можно сказать, открыли для него венгерскую культуру. По сделанным А. Кун подстрочникам Самойлов в разное время переводил таких венгерских поэтов, как Э. Ади, Я. Арань, М. Вёрёшмарти, А. Гидаш, Д. Ийеш, А. Йожеф, М. Радноти, И. Шимон. Однако, как это видно из найденной переписки и опубликованных автодокументальных свидетельств Д. Самойлова (дневников, мемуаров, эссе), сюжет общения Самойлова и Гидашей был весьма неровным, и его стержнем оказались именно профессиональные отношения: среди обнаруженных писем нет ни одного, где бы речь ни шла о переводах, стихах, издаваемых книгах, журнальных рубриках. Те же выводы можно сделать и на основании откликов и оценок Самойлова об Агнесе Кун и Антале Гидаше в его дневниках («Поденные записи»). Кроме того, в качестве иллюстративного и фактического материала в статье впервые вводятся в читательский и научный оборот одно письмо Д. Самойлова и три письма А. Кун.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Давид Самойлов; Агнесса Кун; Антал Гидаш; венгерская поэзия; переводы венгерской поэзии в СССР

Ц и т и р о в а н и е: *Матвеева Ю. В., Шиллер Э.* К истории взаимоотношений Давида Самойлова, Агнессы Кун и Антала Гидаша // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 183–199. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.052>

Поступила в редакцию: 27.02.2022
Принята к печати: 24.06.2022

Yulia V. Matveeva

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

Erzsébet Schiller

*Eötvös Lorand University
Szombathely, Hungary*

ON THE HISTORY OF RELATIONSHIPS BETWEEN DAVID SAMOILOV, ÁGNES KUN, AND ANTAL HIDAS

Based on fragments of poet David Samoilov's correspondence with Ágnes Kun, a translator and writer of Hungarian descent (one letter from David Samoilov to Ágnes Kun and six letters from Ágnes Kun to David Samoilov from 1960 to 1982) found in the Russian State Archive of Literature and Art, the authors examine the long professional and personal relationships of the two correspondents. For Samoilov, his epistolary contacts with Ágnes Kun also included a relationship with her husband, Soviet Hungarian writer Antal Hidas, whose personality is indirectly present in the correspondence. It may be stated that Ágnes Kun and Antal Hidas discovered the Hungarian classical and modern poetry and Hungarian culture for David Samoilov through its translation. With the help of the word-for-word translations made by Ágnes Kun, he translated such Hungarian poets as Endre Ady, János Arany, Mihály Vörösmarty, Antal Hidas, Gyula Illyés, Attila József, Miklós Radnóti, István Simon. But, as it can be seen from the correspondence discovered and published in the auto-documental evidence of David Samoilov (diaries, memoirs, and essays), his communication with Antal Hidas was very uneven and concentrated almost exclusively on the professional: all the letters found are about translations, verses, books, and section headings. The same conclusions can be made about his diaries. Finally, the article introduces one letter of David Samoilov and three letters of Ágnes Kun that have never been published previously.

Key words: David Samoilov; Ágnes Kun; Antal Hidas; Hungarian poetry; translations of Hungarian poetry in the USSR

For citation: Matveeva, Yu. V., & Schiller, E. (2022). K istorii vzaimootnoshenii Davida Samoilova, Agnessy Kun i Antala Gidasha [On the History of Relationships between David Samoilov, Ágnes Kun, and Antal Hidas]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(3), 183–199. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.052>

Submitted: 27.02.2022

Accepted: 24.06.2022

Среди поэтов советского периода почти не найти тех, кто не занимался бы переводами. Причин этому было много — и невозможность личного творчества в полную силу, и материальная нужда, и политические установки партийного руководства на интернационализм и дружбу народов, и просто существовавшая в стране замечательная школа поэтического мастерства, подразумевавшая разные пути самореализации. Так или иначе, но современный русский читатель

имеет в своем арсенале на родном языке почти всю мировую классику — западную и восточную. Особое место в этом «индустриальном» процессе перевода в СССР занимали литературы дружественных, так называемых «социалистических» стран — польская, чешская, словацкая, болгарская, сербская, румынская, венгерская. Последняя, помимо всего прочего, обрела во второй половине 1940-х гг. в советском культурном пространстве, можно сказать, своих эмиссаров в лице двух венгров, оказавшихся волею судьбы в Стране Советов и проживших в ней значительную часть жизни.

Речь идет о дочери коммуниста и революционера Белы Куна Агнессе Кун (1915–1990) и ее муже, поэте и писателе Антале Гидаше (1899–1980). Сразу после Великой Отечественной войны Агнесса стала референтом по венгерской литературе Иностранной комиссии Союза писателей СССР и вместе с Гидашем предприняла целый ряд крупных проектов, связанных с переводом и изданием в Советском Союзе венгерских поэтов и прозаиков. Так, в 1952 г. выходят составленные А. Кун «Антология венгерской поэзии» и сборник «Поэты свободной Венгрии», стараниями Агнессы и Гидаша в русскую литературу вошел «венгерский Пушкин» — Шандор Петёфи. Биографическую книгу о Петёфи и целый ряд статей к разным его изданиям написал А. Гидаш, в свою очередь А. Кун привлекла лучших русских поэтов и переводчиков к работе сначала над однотомником, а потом и над четырехтомником поэта, сама была автором подстрочников всех поэтических текстов Петёфи, перевела его прозу и письма, сделала подробные комментарии к этим изданиям. Прделанная ею работа достойна целого исследовательского отдела, а ее результат трудно переоценить. И все-таки вспоминают об этом в современном научном контексте нечасто.

Но вот в пятом номере журнала «Новое литературное обозрение» за 2020 г. появились две публикации, посвященные А. Кун и Б. Пастернаку, привлеченному Агнессой как раз к работе над поэзией Петёфи. Это статья венгерской исследовательницы М. Дьендьеши «Борис Пастернак и Агнесса Кун в работе над переводами Шандора Петёфи» [Дьендьеши] и опубликованный А. Сергеевой-Клятич очерк А. Кун «Воспоминания о Б. Л. Пастернаке» [Кун, 2020]. Обе публикации чрезвычайно интересны, ибо воссоздают атмосферу времени и дают представление о таких вещах, фактах и отношениях, которые почти никогда не попадают в фокус не только читательского, но даже исследовательского внимания, а между тем, они, собственно, и образуют некую духовную инфраструктуру высокой психологической и детально-бытовой плотности, без которой жизнь культуры немислима.

В своей статье М. Дьендьеши, перечисляя тех русских поэтов, сотрудничество с которыми превратилось для Гидаша и А. Кун в личную дружбу, называет Л. Мартынова, семью Чуковских (подразумевая Н. К. Чуковского и его жену М. Н. Чуковскую), Н. Тихонова, В. Левику, Н. Заболоцкого¹. Однако в этом

¹ Выстраивая этот ряд имен поэтов и переводчиков, исследовательница ссылается на опубликованные А. Кун в Венгрии на русском и венгерском языке их письма к ней и А. Гидашу [см.: Дьендьеши; Кун].

ряду явно не хватает еще одного имени — Давида Самойлова, отношения с которым у Агнессы длились почти 40 лет, были, по-видимому, неровными, но совершенно точно — были из числа особо значительных для нее и, конечно, из числа глубоко, давно и по-настоящему дружеских. Об этом свидетельствуют обнаруженные в Российском государственном архиве литературы и искусства письма (одно от Давида Самойлова Агнессе Кун [РГАЛИ, ф. 1465, оп. 3, д. 193] и шесть от Агнессы Кун Самойлову [РГАЛИ, ф. 1465, оп. 3, д. 272]), а также мемуары и опубликованные дневники Д. Самойлова.

Конечно, найденная переписка фрагментарна и разбросана во времени (первое по хронологии письмо — это 1960 г., последнее — написано в 1982 г.), к тому же три письма А. Кун и единственное письмо Самойлова лишены датировок и точных привязок ко времени. Всё это, увы, не дает возможности системно реконструировать историю их знакомства, что, к примеру, оказалось возможно относительно взаимоотношений Самойлова и Л. К. Чуковской на основании почти двух сотен писем, запечатлевших полноценную стихию общих переживаний, размышлений и споров [Давид Самойлов — Лидия Чуковская]². Не дает этот материал и представлений об интенсивности внутренней жизни Самойлова, как, например, его переписка с гораздо более близкими для него Б. Слуцким, С. Наровчатовым, А. Межировым [Самойлов, 2020] или Ю. И. Абызовым [Юрий Абызов — Давид Самойлов]. Однако упомянутые нами письма безусловно имеют историко-литературную и биографическую ценность, дополняя уже изданное эпистолярное наследие поэта и позволяя понять общий тон и смысл профессиональных, творческих и человеческих взаимоотношений Давида Самойлова и его многолетних венгерских конфидентов — Агнессы Кун и Антала Гидаша.

Когда они познакомились? Самойлов сообщает в своих «Памятных записках» (в частности, в очерке «О Мартынове»), что в самом начале 1950-х гг. «мой переводы заметила Агнесса Кун и позвала переводить венгров» [Самойлов, 1995, с. 376]. В это время оба они были молоды — Агнессе было чуть более 35, Самойлову — чуть больше 30 лет. Оба во второй половине 1930-х гг. учились в ИФЛИ³. Оба прошли через большие жизненные испытания: Самойлов через войну и фронт, Агнесса пережила в 1937 г. арест и расстрел отца, в 1938 г. арест матери и мужа, сама просидела три месяца в тюрьме, побывала во время войны в эвакуации в Киргизии. Вернувшись в Москву после освобождения мужа — Антала Гидаша — в 1944 г., Агнесса становится внештатным референ-

² См. об этой переписке: [Немзер; Коновалова].

³ М. Дьендьешти сообщает, что А. Кун обучалась в Московском университете, очевидно основываясь на информации, полученной из мемуарного очерка А. Кун «Воспоминания о Б. Л. Пастернаке», где та рассказывает о своей двухгодичной учебе на рабфаке имени Покровского, который был при МГУ. Однако выданная РГАЛИ Архивная справка удостоверяет, что А. Кун «в конце 1933 г. поступила на рабфак им. Покровского, по его окончании в 1935 г. поступила на философский факультет Московского института философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского (ИФЛИ). После ликвидации философского факультета в 1936 г. перешла учиться на литературный факультет» [РГАЛИ, Архивная справка из Личного дела члена Союза писателей СССР переводчика Кун А. (литературный псевдоним — Анна Краснова) № 320/1-17 от 01.03.2021].

том во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей (ВОКС), затем — внештатным референтом по венгерской литературе Иностранной комиссии Союза писателей СССР [РГАЛИ, Архивная справка из Личного дела члена Союза писателей СССР переводчика Кун А. (литературный псевдоним — Анна Краснова) № 320/1-17 от 01.03.2021]. То есть фактически обретает подлинную почву под ногами и свое место в мире, которое даст ей впоследствии возможность не просто войти в литературные и окололитературные круги, но и стать в общем-то незаменимым специалистом в области русско-венгерских литературных контактов: «С 1947 г. выполняла работу редактора, составителя, комментатора, переводчика различных изданий венгерской литературы», — сообщает Архивная справка РГАЛИ.

Однако этим перечнем, по-видимому, формы литературной деятельности А. Кун и А. Гидаша не ограничивались. Так, например, В. Т. Середа и А. С. Стыкалин на венгерском языке и в венгерском журнале опубликовали составленный Гидашами в 1947 г. внятный, четкий многостраничный доклад А. А. Жданову о состоянии современной литературы, периодических изданий и книжных издательств в Венгрии. Совершенно справедливо публикаторы (В. Т. Середа и А. С. Стыкалин) в своих комментариях отмечают, что после войны в жизни пары началась новая полоса: их родина вдруг попала в сферу политических интересов Советского Союза [Середа, Стыкалин]. Последнее обстоятельство, как бы к нему ни относиться, объективно не могло не катализировать разнообразные культурные связи и прежде всего — литературные. Это очевидно и по той интенсивной и активной деятельности, которую начали проводить Гидаши и, в частности, А. Кун со второй половины 1940-х гг. К 1949 г. ею был подготовлен однотомник Ш. Петёфи, принесший составителю орден Венгерской народной республики; в 1952 г. — «Антология венгерской поэзии»; в 1952–1953 гг. — четырехтомное собрание сочинений Ш. Петёфи. Кроме того, Агнесса, окончившая школу и получившая высшее образование в СССР, рано вышедшая замуж за А. Гидаша⁴ и, по-видимому, любившая его всю свою жизнь, стала переводчицей и популяризатором поэзии и прозы Гидаша, в частности, ею были переведены помимо стихов такие его художественные произведения, как «Господин Фицек», «Семейство Фицеков», «Мартон и его друзья», «План графа Курт фон Эйхена», а также биографическая книга «Шандор Петёфи» (1948).

Какими же оказались отношения Самойлова с А. Кун, позвавшей его в самом начале 1950-х гг. «переводить венгров» и тем самым приоткрывшей ему «московскую Венгрию»⁵? Отдельного очерка о Гидашах в числе своих «памятных записок» Самойлов не оставил, но его эссе, посвященные Л. Мартынову, А. Ахматовой,

⁴ Гидаш оказался в СССР примерно в 1925 г., и венгерский язык навсегда остался его родным языком. Свои художественные произведения он писал только по-венгерски.

⁵ Самойлов, нечаянно начавший свою карьеру переводчика с албанской поэзии, иронически называл существовавшие в Москве начала 1950-х гг. албанские островки культуры, с которыми оказался тесно связан, — «московской Албанией». Продолжая эту аналогию, можно сказать, что в центре «московской Венгрии», особенно если говорить о культуре и литературе, несомненно, находились Гидаши.

Н. Заболоцкому, и дневниковые записи говорят о том, что на какое-то время он стал частым гостем в московской квартире Гидашей, знающим почти весь круг их общения. Больше всего о Гидашах и, в частности, об А. Кун, хоть и в косвенной форме сопровождающего материала сказано в эссе о Л. Мартынове:

К Гидашам он (речь идет о Л. Мартынове. — Ю. М., Э. Ш.) тогда ходил чуть не каждый день. И, казалось мне, влюблен был в Агнессу. Я его заставлял там каждый раз, как приходил.

Я Агнессе сказал:

— Да Мартынов же в вас влюблен.

Она отмахнулась:

— Да ну вас.

Но из стола вынула «Первый снег».

Но позвонил он с площади:

«Ты спишь?» — «Нет, я не сплю», —

«Не спишь? А что ты делаешь?»

Ответила: «Люблю».

Строфа эта всегда трогает. А стихотворение — наверное, самое «открытое» и подлинно лирическое стихотворение Мартынова [Самойлов, 1995, с. 376–377];

Переводы Мартынова высоко ценила Агнесса. Она ставила мне в образец и его владение стихом, и его умение работать.

Первые варианты перевода он писал на полях подстрочника, карандашом. Многочисленные замечания Агнессы переносил кротко, возражал редко. Венгров, когда создавался Петефи и первая антология, переводил весь цвет тогдашней поэзии — Пастернак, Тихонов. У Гидашей считалось, что лучше всех переводит Мартынов.

Переводы Мартынова многие хороши. Но не чета все же пастернаковским. Взять хотя бы «Ревность» Петефи, переведенную Пастернаком [Там же].

Рассказывая в другом очерке о своих взаимоотношениях с А. Ахматовой, Самойлов мельком оговаривается, как бы сравнивая «ахматовский» круг с «мартыновским», совершенно с ним не сопоставимым:

Мартыновский круг, впрочем, не почитал Анну Андреевну. Агнесса Кун однажды упрекнула меня в том, что я ношу шлейф Ахматовой. На что я ответил, что лучше носить шлейф Ахматовой, чем анализы мочи Мартынова [Там же, с. 384]⁶.

Много есть упоминаний о Гидаше и Агнессе Кун в очерке о Заболоцком, с которым Гидаши дружили и жили по соседству на даче в Тарусе:

Это было в Тарусе в середине июля 1958 года. Я приехал к Гидашам. Ночевал у них. А утром пришел он. <...>

Они играли с Гидашем в какую-то поэтическую игру и именовали друг друга «герцог», «барон». Игра была обоим приятна и забавна.

⁶ В «Поденных записях» эта реплика приводится немного в ином контексте [см.: Самойлов, 2002, т. 1, с. 363].

Мы спустились по крутой улочке к Оке — он, его дочь, тоненькая большеглазая девочка, Гидаш и Агнесса.

Гидаш и девочка пошли кататься на лодке. А мы сели в районном парке на скамейку, сидели долго и переговаривались неторопливо [Самойлов, 1995, с. 389];

Заболоцкий умер той же осенью. Мне позвонила Агнесса и сказала, что Заболоцкий умер. Мы тут же поехали к нему [Там же, с. 392].

Как видим, есть в очерках Самойлова и упоминание о домашнем флирте (предположение, что Мартынов влюблен в Агнессу), и саркастическая резкость иронии (вызванная необходимостью защиты своего собственного отношения к Ахматовой), и замечание о ночевке у Гидашей в Тарусе, и сообщение о пережитой вместе утрате (смерть Заболоцкого). Ясно, что, не будучи предметом самостоятельного внимания, Гидаши стали для Самойлова постоянными персонажами его жизни.

В «Поденных записях» мы насчитали около двадцати фрагментов, где Агнесса Кун или Гидаш (или они вместе) с разной интенсивностью, но так или иначе присутствуют. Иногда это короткие сообщения о встречах, иногда — точные и, в общем-то, беспощадные замечания о каких-либо качествах Агнессы или Гидаша, об их душевном или физическом состоянии, совсем редко — оценка собственного к ним отношения.

Виделся с Гидашами. Агнесса умница. Длинный разговор о Венгрии и прочем. Гидаш говорит смутно, м.б. по незнанию языка. Изредка умен (запись от 9 апреля 1957 г.) [Самойлов, 2002, т. 1, с. 74];

Приходила Агнесса. Длинный, как всегда интересный разговор. В ней даже недостатки значительны и свидетельствуют сильную личность (запись от 26 октября 1962 г.) [Там же, с. 307];

Спор о путях и пр. Гидаш и Агнесса хотят, чтобы их идеал коммуниста сорокалетней давности был идеалом и для Солженицына. Не понимают нравственного значения этого писателя (запись от 12 февраля 1964 г.) [Там же, с. 353];

Днем прилетел в Будапешт с Н. К. Чуковским и его женой. Нас встречали Гараи и Гидаш. Вечером у Агнессы. Как всегда, спор — о Солженицыне, ситуации и прочем. Все же я люблю Агнессу. Н. К. весьма умен. Гидаш сдал (запись от 15 сентября 1965 г.) [Самойлов, 2002, т. 2, с. 17];

Навестил в больнице Колю Куна. Вечером у Гидашей. Агнесса читала воспоминания о Заболоцком, очень хорошие (запись от 16 сентября 1965 г.) [Там же, с. 17–18];

Приходила Агнесса. Сильный ум, как всегда, испорчен страхом и самосбережением (запись от 11 мая 1976 г.) [Там же, с. 98];

Звонила Агнесса. «Волна и камень» произвела впечатление (запись от 13 мая 1976 г.) [Там же].

По-видимому, наиболее интенсивно общение Самойлова с Гидашами происходило во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг., как раз в то

время, когда он много переводил венгерских поэтов и несколько раз приезжал в Будапешт. Записи его дневника с 20 ноября по 2 декабря 1964 г. и с 15 сентября по 13 октября 1965 г. — сплошная рефлексия по поводу Венгрии, ее истории, культуры, природы и в значительной степени — по поводу Гидашей. При этом сценарий взаимоотношений оба раза, т. е. оба приезда Самойлова в Венгрию, повторяется: и первый, и второй раз Гидаши (Агнесса или Антал) его вместе с Е. И. Малыхиной (в 1964 г.) и вместе с Н. К. Чуковским (в 1965 г.) встречают в аэропорту, потом следует череда визитов, политических и литературных споров, в финале — разочарованно-критический вывод об отношениях с Гидашами. Так, например, 28 ноября 1964 г., проведя в Будапеште неделю и пообщавшись с венгерскими поэтами в самой простой будничной обстановке, Самойлов не без удивления записывает:

На этот раз в Будапеште я научился видеть венгерских писателей собственными глазами, а не глазами Агнессы. И понял, что дом Гидашей заражен уймой комплексов. Если бы я был романистом, я описал бы этот дом, где целеустремленная воля Агнессы перекраивает, а порой и ломает характеры в безудержной мании самоутверждения, порождающего ложь, сочетающуюся со страхом, завистью, зазнайством, слепотой, умом, искренностью и Бог знает чем еще. Все это воплощено в характере ярком, талантливом, в уме сильном и ясном [Самойлов, 2002, т. 1, с. 364].

Однако самый большой и, можно сказать, кризисный фрагмент, связанный с Гидашами, сохранился в дневнике Самойлова 1965 г., когда по случаю подготовки сборника стихов М. Радноти министр культуры Венгерской Народной Республики пригласил четверых российских переводчиков, принимавших участие в создании книги (Д. Самойлов, Н. Чуковский, Л. Мартынов, Е. Малыхина)⁷, посетить Венгрию. Все они 15 сентября прилетели в Будапешт, потом примерно 10 дней (если верить дневниковым сообщениям Самойлова) прожили в доме творчества на Балатоне в местечке Сиглигет, затем снова вернулись в Будапешт, где для Самойлова продолжились встречи с Гидашами и работа над переводами Радноти под руководством А. Кун. Начавшись идиллически («Все же я люблю Агнессу»; «Агнесса читала воспоминания о Заболоцком, очень хорошие») эта серия встреч и контактов едва не привела к разрыву, во всяком случае — к заметному охлаждению со стороны Самойлова:

Снова в Будапеште.

Эгоцентризм Гидашей, их самовлюбленность и самобережение раздражают и порядком надоели.

В обществе взаимных восхищений я вступать не хочу. Непомерные претензии Гидашей изолируют их от живой жизни. Сильный ум Агнессы работает вхолостую в сфере абстракций, ее выдающийся характер ломает окружающих. Результаты этого ничтожны. Венгрия не хочет признать Гидаша великим писателем. Да и я в этом вопросе сочувствую Венгрии.

⁷ О работе Д. Самойлова над стихами М. Радноти см.: [Шиллер, Матвеева].

Ко мне Гидаши поразительно равнодушны. Между тем могли бы быть благодарны за переводы. Впрочем, бог с ними (запись от 29 сентября 1965 г.) [Самойлов, 2002, т. 2, с. 22];

Днем работал с Агнесой над Радноти, еле сдерживая раздражение. Вероятно, оно взаимное (запись от 2 октября 1965 г.) [Там же].

Спустя несколько лет Самойлов холодно и скептически запишет:

Приехала Агнесса. У нас снова период дружбы (запись от 30 марта 1968 г.) [Там же, с. 38].

Действительно, отношение Самойлова к Гидашам было весьма и весьма непростым. Скорее всего, оно было трезвым, лишенным глянца и ханжества. Конечно, А. Кун и А. Гидаш для него — люди, созданные из какого-то другого материала, аксиология и природа которых во многом расходятся с его собственными. Но силовое поле литературы вновь и вновь заставляет поэта к ним приближаться. Это подтверждает и единственное доступное нам письмо Самойлова Агнесе Кун — совсем короткое, но в то же время весьма колоритное, где есть шутливо-дружеская, но весьма колкая ирония (и сами фразы, и общий тон письма), признание в нежных чувствах («люблю Вас», «скучаю без Вас»), деловые реплики (о переводах Э. Ади), приветы домашним:

Милая Агнеса!⁸

Несмотря на Ваше гневное и несправедливое письмо (на обороте Йожефа), пишу Вам, ибо, отдохнув от Вашей несправедливости, как всегда, люблю Вас и скучаю без Вас.

Вы прекрасно знаете, Агнеса, что я один из немногих людей, которые осмеливаются Вам говорить правду. Берегите нас. Нас так мало. Если Вас интересуют мои дела, скажу кратко: они более или менее в порядке.

Ади буду переводить только в Венгрии.

Кажется, это возможно.

Жду Вас в Москве.

Ваш Д.

Привет всем Вашим — двум Колям⁹, Леле и особенно маме¹⁰.

Письмо не датировано, но, по-видимому, написано было в начале 1970-х гг.¹¹, до того, как ушла из жизни в 1974 г. Ирен Кун, мать Агнессы.

В 1959 г. Гидаши переехали в Венгрию, но связи их с русским миром оставались самыми живыми — то они сами наезжали в Москву, то встречались

⁸ В тексте письма Самойлов пишет имя «Агнесса» с одной буквой «с».

⁹ Имеются в виду брат Агнессы Кун — хирург Николай (Миклош) Кун и его сын, историк Миклош Кун.

¹⁰ Мать А. Кун и жена Б. Куна Ирен Гал (1890–1974).

¹¹ Письмо Д. Самойлова и приводимые далее письма А. Кун печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением особенностей графического оформления, своеобразия синтаксиса, написания некоторых имен и названий.

с приехавшими из СССР гостями в Будапеште. После смерти А. Гидаша в 1980 г. поддерживать старые контакты продолжает Агнесса. И, конечно же, важным способом поддержания человеческих и профессиональных отношений становится для нее переписка. Что касается сохранившихся в РГАЛИ шести ее писем к Д. Самойлову, можно сказать, что они дают некоторое представление об образе жизни четы Гидашей, а потом одной Агнессы в Венгрии, а также о характере отношений, сложившихся с Д. Самойловым.

Первое письмо А. Кун к Д. Самойлову из указанного нами фонда РГАЛИ датировано 19 января 1960 г. и написано из Будапешта. Приведем его полностью:

Милый, очень милый Дезик!

Потрясена, умилена, поражена и пр. и пр. Нимало не ожидала. «Что за сон», — как пишете вы с Аранем в конце баллады¹². Пришла от вас баллада (1) и даже написанное вопреки вашим принципам (эгоистическим!) письмо.

Но очень рада! Тут же немедленно просмотрела балладу. Очень хорошо! Замечательная самая крошка. Но прошу их сделать немедленно и вернуть вместе с «Сонди»¹³ так же немедленно авиапочтой, причем в двух экземплярах.

Надо, надо скорее сдавать. Это ведь будет очень, очень красивое издание. Такого у нас еще не бывало¹⁴.

«День поэзии» мне прислал Мартынов, так что вы можете не присылать, но зато все, какие есть сборники стихов вашего поколения и еще более молодых, очень прошу — пришлите.

Ваши стихи мне понравились, особенно первое — оно блестяще написано. Понравилось стихотворение Сережи Поликарпова¹⁵ уж очень все живо и ощутимо. В стихотворении Сережи Артамонова¹⁶ есть какая-то ущемленность, то, что я не люблю. А вот строго, строго между нами говоря, меня огорчают стихи Володи Корнилова¹⁷ и в этом сборнике, и в Литературке. Он все-таки говорит не своим голосом, сам-то он много умней и нежней и лиричней и добрей того, что он пишет. Смотрите, как бы у него это не выродилось в эдакую залихватскую развязную (в языковом смысле) манеру. Было бы очень жаль. Только не говорите это ему, а лучше передайте самый сердечный привет, как и обоим Сережам. Артамонов-то не обижен?

Борис¹⁸ напечатал в Литературке стихотворение, которое мне очень понравилось.

Вот так-то сижу я в Будапеште и пытаюсь, внимательно, почти страстно читаю все, что там выходит. Журналы и то читаю!

Рада, что входите в моду! Дай-то бог вам, вместе со здоровьем. Слава богу, что оно лучше, хотя я в этом не сомневалась, но если будете нарушать режим (подчеркнуто автором. — Ю. М., Э. Ш.), то будут спады и очень тяжелые. Вот ей-богу!

¹² Имеется в виду переведенная Самойловым шутовская баллада Я. Араня «Рыцарь Пазман».

¹³ Речь идет о балладе Я. Араня «Пажи Сонди», которую тоже перевел Самойлов.

¹⁴ В это время А. Кун активно готовит действительно незаурядно красивую, большеформатную с рисунками художника М. Зичи книгу исторических и народных баллад венгерского поэта Я. Араня «Баллады» (Будапешт: Изд-во Корвина, 1962). Самойлов перевел для этой книги 9 баллад.

¹⁵ Поликарпов Сергей Иванович (1932–1988) — русский советский поэт.

¹⁶ Артамонов Сергей (1936–2008) — писатель, поэт, был популярен среди интеллигенции 1960-х гг., в 1974 г. эмигрировал в Израиль, потом во Францию.

¹⁷ Корнилов Владимир Николаевич (1928–2002) — русский советский поэт и прозаик.

¹⁸ Речь идет о друге Д. Самойлова — поэте Б. А. Слуцком (1919–1986).

Если что нужно из лекарств и если нужен <нрзб>, пожалуйста, напишите.

Да, кстати, напомните еще раз Борису Грибанову¹⁹ о тираже двухтомника, чтобы он там бдил (подчеркнуто автором. — Ю. М., Э. Ш.) и с расчетом так же нас бы не обдурили.

Хорошо бы к выходу книжки устроить радиопередачу из стихов Гидаша, подумайте, попробуйте. Если потребуется, помогу, инокомиссия это сделает.

У нас сейчас пока все в порядке, все более или менее здоровы. Гидаш напечатал в «Кортарше»²⁰ (количество написано неразборчиво. — Ю. М., Э. Ш.) стихов, по-моему, очень хороших. А вот роман движется туго, и это будет откладывать его приезд в Москву. Я-то приеду непременно в январе, в начале февраля. Подстрочники Шимона²¹ для Шуплецова²² я уже сделала, теперь посмотрю, потом можно перепечатывать Анне Соломоновне и, видимо, в издательство.

Словом, работаем, как всегда, а живу я письмами из Москвы. Так и учтите, великий эгоист. Хотя про вас это грех сказать, так трогательно хорошо относитесь вы к ребятам.

Кланяйтесь маме, Ляле²³ и всем хорошим людям.

Мы с Гидашем обнимаем вас и будьте здоровы.

19/X-60, ваша Агнесса

Как видим, письмо хорошо передает настроение Агнессы, которая совсем недавно переехала на свою историческую родину, но по-прежнему живет литературными интересами Москвы: сообщает о полученном от Мартынова альманахе «День поэзии», интересуется публикациями знакомых ей советских поэтов — В. Корнилова, С. Поликарпова, С. Артамонова, откликается на новое стихотворение Слуцкого, хвалит и одобряет «входящего в моду» Самойлова. Даже говоря о насущных литературных делах, она совершенно не акцентирует, какие из них должны осуществляться в Венгрии, а какие — в СССР: издание книги баллад Я. Араня на русском языке в типографии Кошута, популяризация творчества Гидаша на советском радио, публикация Гидашем в венгерском журнале новых стихов, работа над подстрочниками Шимона для Шуплецова — для нее все это находится в едином культурном пространстве. Отчасти, по-видимому, так оно и было, учитывая особенности советской идеологической политики, отчасти же все-таки — это было и ее собственное восприятие человека, очутившегося в совершенно чужом для него мире.

Ситуация после 1959 г. для Гидашей и особенно для Агнессы (всегда работавшей как переводчик или координатор переводческих проектов) радикально меняется — из представителей венгерской культуры в Москве

¹⁹ Грибанов Борис Тимофеевич (1920–2005) — писатель, редактор, написал после смерти Самойлова мемуарный очерк о нем [см.: Грибанов].

²⁰ Венгерский журнал «Kortárs» («Современник»).

²¹ Шимон Иштван (1926–1975) — венгерский поэт.

²² Шуплецов Борис Всеволодович (1913–1983) — редактор издательства «Иностранная литература», с которым сотрудничала А. Кун и дружил Д. Самойлов.

²³ Фогельсон Ольга Лазаревна (1924–1977) — искусствовед, первая жена Д. Самойлова.

они превращаются в представителей советской культуры в Венгрии²⁴. В этой связи обращает на себя внимание полное отсутствие в письме Агнессы какой-либо информации о Венгрии, об их с Гидашем новой венгерской реальности, в которую они попали и в которой как-то обживались. Кажется, что для нее мало что изменилось — те же планы, те же профессиональные заботы, только пронзительная нотка ностальгии ее выдает: «Вот так-то сижу я в Будапеште и пытливо, внимательно, почти страстно читаю все, что там выходит. Журналы и то читаю!»

Агнессе предстоит прожить в Венгрии еще 30 лет, и последующие письма ее Самойлову написаны уже в начале 1980-х гг. после смерти А. Гидаша, однако и в них будет присутствовать то же самое двуединое пространство, объединяющее Будапешт, Кунцевскую больницу, гостиницу «Украина», гостиницу «Октябрьская»²⁵, смерть Гидаша в Будапеште и похороны Мартынова в Москве. Она будет неоднократно писать о том, что ждет Самойлова с женой у себя в Будапеште, она пришлет в Пярну даже телеграмму с сообщением — «приглашение полúчите», но никаких деталей будапештского быта, никаких подробностей о венгерской культуре и венгерском мире. Напротив, оказавшись после смерти Гидаша в Кунцевской больнице в Москве, Агнесса пишет своему адресату: «А может и лучше, что здесь попала в больницу. Кругом все-таки свои, друзья, люди, которых я люблю и которые любят меня. А сейчас ведь это нужно, как хлеб, как табак для курильщика, как алкоголь для пьющего». Читая эти строчки можно подумать даже — не по специальному ли заданию партии проживали Гидаши с 1959 г. в Будапеште, можно сказать, жертвуя многим. Ясно, что человеческие привязанности, да и вообще — центр тяжести земного существования для Агнессы так и остался по ту сторону границы. Даже их с Гидашем общая жизнь воспринимается ею как впаянная именно в московскую реальность: признается Самойлову, что окончательно «столкнули в болезнь» надежды, «что Гидаш подсядет... в самолете, будет ждать в Москве на аэродроме». Да и размышляя о литературном наследии Гидаша, Агнесса хочет вполне определенно лишь одного — «началась бы его вторая жизнь в России».

Частью этой любимой, родной и знакомой российско-советской реальности был для Агнессы и Д. Самойлов, характер отношений с которым в ее письмах отчетливо просматривается. Уже в приведенном выше письме 1960 г. видно, что Д. Самойлов для Агнессы человек значимый и близкий: она искренне радуется его поэтическим успехам, сообщает конфиденциальное мнение о других, зная, что оно не будет передано, заботится о его здоровье, «кланяется» в конце письма его домашним и общим знакомым («маме, Ляле и всем хорошим

²⁴ Интересно, что в отличие от Гидаша, попавшего в советскую Россию взрослым сложившимся человеком, Агнесса, с детства усвоившая русский язык, была человеком билингвальным и вообще — двукультурным. Проявляется это в ее письменной и устной речи. Первая, судя по письмам, лишена грамматической синтаксической безупречности, а вторая, судя по ее аудиозаписям, звучит с мягким русским акцентом, который проявляется не столько в произнесении слов, сколько в общем интонационном рисунке.

²⁵ Адреса этих гостиниц указаны на конвертах с письмами.

людям»). Впоследствии, после смерти Гидаша, она будет ему признаваться в своем отчаянии, просить о встрече или хотя бы письме, напоминать о том, что «слишком многое и слишком долгие годы связывают нас» и что «нас»-то уже почти не осталось».

Однако во всех письмах чувствуется, что взаимоотношения А. Кун и Д. Самойлова имеют как бы свою ось развития, и эта ось — общее дело, литература. Среди шести обнаруженных нами писем нет ни одного, где бы речь ни шла о переводах, стихах, издаваемых книгах, журнальных рубриках. Их с Самойловым общение — это общение, с одной стороны, двух очень давно знакомых людей, имеющих запас общей памяти и общих исторических и жизненных впечатлений, но это еще и общение, так сказать, внутрицеховое, общение знатоков, профессионалов, ценителей поэзии. Возможно, где-то в подтексте — работодателя и творца, друг от друга всегда зависимых²⁶. Оттого-то и радуется Самойлов в своем дневнике похвалам Агнессы, оттого-то и дорожит Агнесса человеческой связью с Самойловым. Она для него открыла мир венгерской поэзии, но и он для нее и, считаясь с ней, воплощая именно ее замыслы, переводил Я. Араня, Д. Ийеша, М. Радноти, М. Вёрёшмарти, А. Йожефа, И. Шимона и, конечно, (часто вопреки собственному желанию) ее любимого А. Гидаша. При этом оба умеют быть и справедливыми по отношению друг к другу, и весьма критичными, и требовательными, а подчас — горько откровенными.

Приведем два письма А. Кун, чтобы можно было почувствовать атмосферу этого общения. Первое написано по следам страшной для нее потери — смерти мужа. Гидаш умер в Будапеште 22 января 1980 г., письмо же датировано 19 июня 1980 г. В это время Агнесса прилетела в Москву и попала в больницу. Второе написано, по-видимому, сразу после возвращения в Венгрию в ответ на запоздалое письмо Самойлова.

Дорогой Дезик!

Уж и не знаю — судьба, или еще какие-то важные силы, но что-то нам мешает встретиться. Только я приехала, как вы уехали в свое приморское прибежище. Пыталась я звонить Вам²⁷ в день рождения и на следующий день, но ничего не вышло. Отправила телеграмму — надеюсь, получили ее. А впрочем, вы и без того знаете, что я, что мы всегда желали Вам всего самого хорошего. И надеемся на силу своих пожеланий. Теперь, увы, только моих.

²⁶ То, что А. Кун видела в Самойлове именно переводчика, хорошую, породистую «почтовую лошадь просвещения» и невольно жалела, что в нем зачастую преобладал настоящий поэт, говорит фрагмент из ее интервью 1970 г. на венгерском языке для архива Литературного музея имени Петефи в Будапеште, где она рассказывает о том, как трудно найти хороших переводчиков, как трудно работать с молодыми: Пастернака нет, Чуковского нет, и Самойлов, который, как говорит Агнесса, «сам очень хороший поэт» и «мы давно его любим» — «в своё время он переводил и Вёрёшмарти, но тот Самойлов уже не тот Самойлов. С того времени у него две семьи, с того времени уже всё изменилось», «остался единственный хороший переводчик, это — Мартынов» (перевод наш. — Э. Ш.) [см.: Кун, 1970].

²⁷ Обращаясь на «Вы», А. Кун пишет это обращение то с маленькой, то с прописной буквы. Особенности автурского написания в этом случае сохранены. — Ю. М., Э. Ш.

О себе писать не буду, о Гидаше тоже — обо всем этом не напишешь. Мне приходится жить, потому что осталось обширное литературное наследие, и оно, а также Гидаш перед смертью, обрели меня на жизнь.

В Будапеште, выздоровев после всех болезней, я начала работать. Нашла уже (подчеркнуто автором. — Ю. М., Э. Ш.) 150 ненапечатанных стихотворений. И много-много записей и прочего весьма интересного.

Сейчас пишу из Кунцевской больницы. Все-таки угодила туда, не справилась со всеми своими хворобами.

А может и лучше, что здесь попала в больницу. Кругом все-таки свои, друзья, люди, которых я люблю и которые любят меня. А сейчас ведь это нужно, как хлеб, как табак для курильщика, как алкоголь для пьющего.

За окном стемнело, яростная гроза, гремит гром, сверкают молнии — иногда кажется: дожили до того, что уже природа отражает расположение духа человека.

Конечно, очень хотелось бы повидаться с Вами, я пробуду здесь, должно быть, до 15 июля, судя по тому размаху исследований, которые затеяли здесь. Но ведь вы-то к этому времени не приедете? А хорошо бы!

Не знаю, получили ли вы письмо <нрзб>, с просьбой перевести для них несколько стихов Гидаша — с этого началась бы его вторая жизнь в России.

Мы подобрали с ним стихи, я сделала подстрочники, разметила все, кое-как нашла даже оригиналы, прикрепила. И уже прошу Вас, хотя и не прошу, все равно знаю, что вы сделаете. Слишком многое и слишком долгие годы связывают нас. А ведь «нас»-то уже почти и не осталось.

Если уже и вам 60, а мне 65, то что тут скажешь. Да и не надо ничего говорить. Все и без того ясно.

Стихи Вам отправит Леночка, а вы ответьте мне, пожалуйста, в Гослитиздат на имя Стеллы. Только ответьте обязательно, будьте раз в жизни точны. Сейчас мне ведь стало все трудно, даже ожидание.

А если ненароком приедете в Москву, то позвоните Рите Киршон²⁸ (243-02-38), и она свяжет Вас со мной. Леночка ведь уезжает в Венгрию.

Не пишу больше ни о чем, авось да встретимся, и тогда поговорим.

Обнимаю Вас и Галю²⁹ и постарайтесь быть счастливы.

Ваша Агнесса. 19/VI — 80 г.

Дорогой Дезик!

Письмо Ваше я получила за два дня до отлета из Москвы, где хорошо поболела, больше месяца лежала в больнице, увы, почти безрезультатно. Но за две недели здесь меня уже успели кое-как привести в порядок. Кое-как — и то слава богу! Я знаю, что вы не сентиментальны, но все-таки отваживаюсь написать Вам, что, увы, «беспросветность смерти» — это истинная правда, и все мои подсознательные надежды, что Гидаш подсядет ко мне в самолете, будет ждать в Москве на аэродроме — все они жесточайшим образом не осуществились и злобно столкнули в болезнь. Не думайте, что я несколько спятила, ничуть. У меня месяц спустя после его гибели, когда я сразу сурово приняла смерть, тоже начали вылезать из глубины души другие

²⁸ Корн (Киршон) Рита (1907–1992) — жена советского писателя и драматурга, деятеля РАПП Вл. Киршона, была близкой подругой Агнессы Кун.

²⁹ Медведева-Самойлова Галина Ивановна — вторая жена Д. Самойлова.

концепции — вот они привели и по-прежнему приводят к разным фантазиям. Я ведь женщина с головы до ног и поэтому не могу быть такой уж воинствующей материалисткой.

А Гидаш, вы правы, он был убежденным материалистом, для этого у него хватало смелости. Он был вообще человеком удивительной внутренней и физической силы почти до самого конца. И вот его нет. Вместо него — фотография 1947 года, стоит напротив моей постели и смотрит на меня. (Сейчас фантазия сдвинула меня в эту сторону). Вот видите — написано так, как я не думала Вам писать, отлично чувствуя древесную кору, которой Вы окружили себя в общении со многими людьми, как ни странно и со мной тоже, причем много лет назад.

Я, правда, не знала, что «мы не нравились друг другу», а вот долгие годы необщения — они в самом деле сделали свое дело. Только не у меня. Я ведь привязываюсь к людям навек или вовсе не привязываюсь. В данном случае произошло первое, и когда пришло Ваше письмо, я очень обрадовалась и показалось мне, что мы только вчера с Вами встречались и вели наши долгие беседы. И пишу вам первому, после того, как и здесь поняла твердо, что Гидаша нет, и что пора приниматься за дело, за расшифровку, разбор, приведение в порядок его наследия. Пишу Вам, прежде всего потому, что хочу получать от Вас письма (подчеркнуто автором. — Ю. М., Э. Ш.). Нас-то ведь из тех, из прежних, почти никого не осталось.

В Москву я приехала, чтобы еще раз в этой жизни повидаться с Мартыновым. Когда увидела его на другой день после приезда, сразу поняла, что он «не жилец». Но кое-как мы справили его 75-летие. А потом, потом случилось неизбежное. И хорошо — он не мог жить без Ниночки, он был очень болен, и все его известные нам странности без ее крепкой узды начали перерастать в нечто совсем иное. Отмучился, хотя и жить хотел, и подготовил перед смертью три книги. Да, это был характер и амбиция.

А Гидаш вот возложил все на меня, отчасти и вынужденно, а отчасти... но об этом при встрече.

И хоронили мы Мартынова (все это было, впрочем, очень неприлично с официальной стороны), он лежал благообразный, почти живой, вот-вот воскреснет.

А вот Борис. Это было страшно. Я ведь его давно не видела, он не пускал меня к себе. Да и здесь едва поздоровался. Я только читала множество его отличных стихов и не думала, что он совсем такой... Боже мой! Это гораздо ужаснее обычной, естественной, физической смерти.

Напишите мне о нем.

Как мы встретимся? Не знаю. Не знаю, когда приеду. А вы не могли бы? Напишите и об этом. Теперь ведь можно было бы и ко мне вместе с Галей приехать, если такое чудо возможно совершить. Хорошо бы провести две недели в нашем доме.

Посылаю Вам это письмо с (имя человека, возможно, венгерского дипломата написано неразборчиво. — Ю. М., Э. Ш.). Посылаю еще и два подстрочника на всякий случай. (Только напишите мне, какие из стихотворений Вам не по душе, чтобы я знала).

Посылаю и фотографию Гидаша и очень жду письма.

Обнимаю Вас и Галю. Жду письма.

Ваша Агнесса

Kun Agnes

Sólyom László utca 2

1022 Budapest.

Радуюсь, что Вам «скорее хорошо, чем плохо» в Вашем уединении и несуетности. Пишите о себе.

Видите — никак не закончу письмо.

Если б вы знали, сколько молодых людей в Москве считают Вас своим любимым поэтом, то радовались бы, как и я.

Источники

Давид Самойлов — Лидия Чуковская. Переписка: 1971–1990 / вступ. ст. А. С. Немзера, коммент. и подгот. текста Г. И. Медведевой-Самойловой, Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной. М. : Новое литературное обозрение, 2004.

Кун А. Интервью, данное Э. Везер и А. Тобиаш, для архива Литературного музея имени Петефи. 1970. URL: <https://oras.pim.hu/record/-/record/PIM1621061> (дата обращения: 11.01.2022).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1465. Оп. 3. Д. 193, 272; Ф. 631. Оп. 3. Д. 3167; Архивная справка из Личного дела члена Союза писателей СССР переводчика Кун А. (литературный псевдоним — Анна Краснова № 320/1-17 от 01.03.2021).

Самойлов Д. С. Памятные записки. М. : Международные отношения, 1995.

Самойлов Д. С. Поденные записки : в 2 т. М. : Время, 2002.

Самойлов Д. С. Мемуары. Переписка. Эссе / сост. Г. И. Медведева ; вступ. ст. А. С. Немзера ; коммент. и подгот. текста Г. И. Медведевой, В. И. Тумаркина, Е. Ц. Чуковской. М. : Время, 2020.

Юрий Абызов — Давид Самойлов : переписка / сост. и ред. И. Белобровцева ; [примеч.: И. Белобровцева и др. Самойловские чтения III]. Таллинн : Tallinn Ülikooli kirjastus, 2009.

Kun A. Pisma. Szovjet Irodalom. 1979. № 6, 10, 11; 1981. № 7; 1983. № 4.

Исследования

Грибанов Б. Т. Давид Самойлов, каким я его помню // Знамя. 2006. № 9. С. 132–168.

Дьендьёши М. Борис Пастернак и Агнесса Кун в работе над переводами Шандора Петефи // Новое литературное обозрение. 2020. № 5. С. 203–209.

Коновалова Н. В. «Выбранные места» из переписки Д. Самойлова и Л. К. Чуковской // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психологические науки. 2014. № 4. С. 64–74.

Кун А. Из «Воспоминаний о Б. Л. Пастернаке» / публ. А. Сергеевой-Клятиц // Новое литературное обозрение. 2020. № 5. С. 210–226.

Немзер А. С. Победа поэта. Давид Самойлов. Поденные записки // Немзер А. С. Замечательное десятилетие русской литературы. М. : Захаров, 2003. С. 554–556.

Середа В. Т., Стыкалин А. С. Одно донесение на столе у Жданова. Впечатления Антала Хидаша и Агнеш Кун о послевоенной венг. прессе // «2000». 2004. № 10. URL: <http://ketezer.hu/2004/10/egy-jelentes-zsdanov-asztalan/> (дата обращения: 20.01.2022).

Шиллер Э., Матвеева Ю. В. Венгерский поэт Миклош Радноти в художественном восприятии Д. Самойлова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. № 4 (201). С. 43–51. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.4.068>

References

Gribanov, B. T. (2006). David Samoilov, kakim ia ego pomnu [David Samoilov, How I Remember Him]. *Znamia*, 9, 132–168.

Gyöngyösi, M. (2020). Boris Pasternak i Agnessa Kun v rabote nad perevodami Shandora Petefi [Boris Pasternak and Ágnes Kun in Working on Translations of Sándor Petőfi]. *NLO*, 5, 203–209.

Konovalova, N. V. (2014). "Vybrannye mesta" iz perepiski D. Samoilova i L. K. Chukovskoi ["Excerpts" from Correspondence of D. Samoilov and L. K. Chukovskaya]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye i psichologicheskie nauki*, 4, 64–74.

Kun, A. (2020). Iz "Vospominanii o B. L. Pasternake" [From "Memories about B. L. Pasternak"]. *NLO*, 5, 210–226.

Nemzer, A. S. (2003). Pobeda poeta. David Samoilov. Podennye zapisi [The Victory of the Poet. David Samoilov. Daily Entries]. In A. S. Nemzer, *Zamechatel'noe desiatiletie russkoi literatury* [A Remarkable Decade of Russian Literature] (pp. 554–556). Moscow: Zakharov.

Sereda, V. T., & Stykalin, A. S. (2004). Odno donesenie na stole u Zhdanova. Vpechatleniia Antala Hidasha i Agnesh Kun o poslevoennoi veng. presse [One Denunciation on Zhdanov's Desk. The Impressions of Antal Hidash and Ágnes Kun about the Post-War Hungarian Press]. *2000*, 10. Retrieved from <http://ketezer.hu/2004/10/egy-jelentes-zsdanov-asztalan/>

Schiller, E., & Matveeva, Yu. V. (2020). Vengerskii poet Miklosh Radnoti v hudozhestvennom vospriiatii D. Samoilova [Hungarian Poet Miklós Radnóti in the Artistic Perception of D. Samoilov]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 26, 4 (201), 43–51. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.4.068>

Матвеева Юлия Владимировна

профессор кафедры русской
и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, Ленина, 51
E-mail: julia-matveeva@yandex.ru

Matveeva, Yulia Vladimirovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: julia-matveeva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3810-867X>
Scopus AuthorID: 57194764936

Шиллер Эржебет

PhD (Филология), доцент
Университет имени Лоранда Этвеша
9700 Szombathely, Berzsényi Sq., 2
E-mail: schillererzsebet@hotmail.com

Schiller, Erzsébet

PhD (Philology), Associate Professor
Department of Hungarian Literature
Eötvös Lorand University
2, Berzsényi Sq., 9700 Szombathely, Hungary
Email: schillererzsebet@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2387-1023>